

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-4-29

УДК 316.323

ОСНОВНЫЕ ЦИКЛЫ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Смирнов В.А., Иванова А.Ф.

В статье анализируется политика российского государства в отношении молодежи с начала 18 до конца 20 века. Автор, предлагает собственную периодизацию государственной молодежной политики, указывая на циклический характер взаимоотношений государства и молодого поколения. Мы можем наблюдать рост интереса к новому поколению в периоды кризисов и модернизаций российского государства. В кризисные периоды на первое место выходит энергетический потенциал нового поколения, его способность к физическому и эмоциональному напряжению, его физиологический ресурс. Периоды государственной модернизации вызывают интерес к молодому поколению как группе, слабо интегрировавшей социальные практики, доминирующие в обществе, и, соответственно, способной к успешной и быстрой трансформации.

По мнению, автора в рассматриваемый период можно выделить пять циклов государственной молодежной политики. Каждый цикл тесно связан с началом государственной модернизации социально-экономической и политической системы общества. Именно в этот исторический момент, государственная власть остро нуждается в молодом поколении, как группе слабо интегрированной в социальную структуру общества. В каждом из пяти циклов выделяются три повторяющиеся фазы.

На протяжении последних нескольких веков можно выделить устойчивые и повторяющиеся формы и методы молодежной политики. Существование подобных паттернов позволяет рассматривать молодежную политику российского государства в историческом контексте как процесс воспроизводства в разных социокультурных условиях схожих практик работы с молодым поколением. Изучение особенностей взаимоотношений государства, общества и молодого поколения на разных исторических этапах, выделение в этом процессе устойчивых паттернов становится важным инструментом прогнозирования особенностей и перспектив развития современной российской молодежной политики.

Ключевые слова: молодежная политика; циклы; фазы; российское государство.

MAIN CYCLES OF RUSSIAN YOUTH POLICY

Smirnov V.A., Ivanova A.F.

The article focuses on the state policy regarding the youth of the period from the beginning of the 18th up to the end of the 20th century. The author offers his own periodization of youth state policy, pointing out the cyclical nature of state – young generation interaction. We can observe the growth of the interest for young generation in the critical periods and time of modernization of the Russian state. In the critical periods the energy potential of the new generation, its ability for physical and emotional exertion, its physiological resource occupy the first place. State modernization periods cause the interest towards the young generation as a group of low interiorized social practices, prevailing in the society and, thus, able for successful and rapid transformation. The author distinguishes five cycles of youth state policy in the period studied. Each cycle is closely linked to the initial stage of state modernization in social-economical and political systems of the society. Exactly in this historical moment, federal authority needs greatly the young generation as a group which is faintly integrated into the social structure of the society. In each cycle three repeated phases are distinguished. For the last several centuries sustainable and repeated forms and methods of youth policy can be distinguished. Existence of such patterns allows us to study the Russian youth state policy in the historical context as a process of reproduction of similar practices of work with young generation in various social-cultural conditions. The study of peculiarities of interaction of the state, society and young generation in different historical stages, allocation of sustainable patterns in this process becomes the important tool to predict the peculiarities and prospects of the development of modern Russian youth policy.

Keywords: youth policy; cycles; phases; Russian State.

Введение

Системная государственная и общественная молодёжная политика – явление индустриального и постиндустриального общества. Именно в это время происходит артикуляция молодёжного вопроса и перевод его в сферу государственных интересов. Современная российская молодёжная политика как системная деятельность государства вырастает из «рецептов» и социальных практик, сформулированных и реализуемых в отношении подрастающего поколения в течение всего периода российской истории. В связи с этим представляется важным ис-

следовать особенности взаимоотношений государства и молодого поколения на разных этапах развития России, выделить устойчивые паттерны этих взаимоотношений.

Анализ истории артикуляции и решения молодёжного вопроса в российском государстве позволяет сформулировать гипотезу о цикличном характере их взаимоотношений. Мы можем наблюдать рост интереса к новому поколению в периоды модернизаций российского государства. Именно в это время растёт интерес к молодому поколению как группе, слабо интегрировавшей социальные практики, доминирующие в обществе, и, соответственно, способной к успешной и быстрой трансформации.

На протяжении последних нескольких веков можно выделить устойчивые и повторяющиеся формы и методы молодёжной политики. Существование подобных паттернов позволяет рассматривать молодёжную политику российского государства в историческом контексте как процесс воспроизводства в разных социокультурных условиях схожих практик работы с молодым поколением. Изучение особенностей взаимоотношений государства, общества и молодого поколения на разных исторических этапах становится важным инструментом прогнозирования особенностей и перспектив развития современной российской молодёжной политики, как на общероссийском, так и на региональном уровне.

Ключевые фазы в процессе взаимоотношения российского государства и молодого поколения

В истории взаимоотношений российского государства и молодёжи можно выделить пять циклов, в рамках которых прослеживается несколько повторяющихся фаз.

Первая фаза – мобилизация. Интерес государства к молодому поколению возрастает в периоды государственной модернизации. В этой ситуации слабо интегрированная в социальную структуру молодёжь становится важнейшим ресурсом инноваций. Усиливая, зачастую искусственно, межпоколенческое напряжение в обществе, государство разрушает механизмы социокультурной преемственности между поколениями, что позволяет в достаточно короткие сроки трансформировать культурную программу общества. Мобилизация молодого поколения может проходить по двум направлениям: мобилизация элиты и мобилизация широких слоев молодёжи. Процесс мобилизации молодого поколения, резкая смена политической элиты ведут к разрушению структур, в которых проходила жизнедеятельность общества, тем самым создавая ситуацию социальной напряженности, нестабильности и риска. Важнейшей деструктивной практикой, воспроизводимой в рамках первой фазы, является использование в качестве инструмента мобилизации идеологических моделей, в основе которых лежит идея межпоко-

ленческого напряжения. Государство, осуществляя мобилизацию молодого поколения, активно воспроизводит дискурс, в котором новое, молодое поколение противопоставляется предшествующему поколению, тем самым создавая условия для социальной дезинтеграции общества.

Вторая фаза – рост самоорганизации молодёжи. Внимание государства к молодёжи ведет к росту ее самосознания, гражданственности, социальной ответственности, что, в свою очередь, проявляется в появлении разнообразных молодежных формальных и неформальных объединений, групп и т.д. Процесс мобилизации молодёжи ведет к появлению новых возможностей для восходящей социальной мобильности, к открытию и актуализации новых вариантов для реализации своего потенциала.

Третья фаза – структурирование системы государственной молодёжной политики. На этой фазе объектом деятельности государства становится управление процессами самоорганизации молодёжи, интеграция жизненной энергии молодого поколения в новую модернизированную социально-экономическую структуру. В большинстве случаев, третья фаза совпадает с окончанием процесса государственной модернизации. Основная цель ее сводится к консервации сформировавшейся в процессе трансформации социокультурной программы, что, в свою очередь, требует создания новых структур, сдерживающих инновационный потенциал молодого поколения.

В рамках первой и третьей фазы можно наблюдать существование двух аттракторов, которые создают «зоны» деструктивности и конструктивности. В рамках первой фазы – это *аттракторы социальной интеграции и социальной дезинтеграции*. Модернизация и потребность в инновациях усиливает постоянно существующее межпоколенческое напряжение. В этой ситуации государство может избрать путь усиления этого напряжения (аттрактор социальной дезинтеграции) или его снижения и осуществления модернизации в рамках циркулирующих во всем обществе культурных программ (аттрактор социальной интеграции). Российская история демонстрирует постоянные усилия государства по увеличению межпоколенческого напряжения и тяготение к аттрактору социальной дезинтеграции.

Третья фаза включает аттракторы *социального партнерства и социального контроля*. Государство в ситуации роста молодёжной самоорганизации и снижающегося «спроса» на молодёжную активность и инициативу должно «решить» готово ли оно к полноценному сотрудничеству с молодёжью (аттрактор социального партнерства) или не готово, что ведет к усилению социального контроля за молодым поколением (аттрактор социального контроля) и, в свою очередь, либо к росту протеста со стороны молодёжи, либо к снижению ее социальной и политической активности, абсентеизму и аномии. Все циклы российской молодёжной политики демонстрируют стремление государства на третьей фазе к аттрактору социального контроля.

Феномены цикличности российской молодежной политики

Обратимся к анализу циклов молодёжной политики.

Первый цикл (1696-1801 гг.). Петровские реформы стали первым опытом ускоренной модернизации российского государства и началом первого цикла системной государственной молодёжной политики.

Потребности государства в новых образованных людях, неидентифицирующих себя с предыдущими поколениями, но при этом относящихся к конгруэнтной группе (дворянство) требовали разработки механизма вовлечения молодых дворян в систему государственной социализации. В этом контексте представляет интерес Указ от 23 марта 1714 года «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах». Многие историки видят в этом Указе лишь стремление Петра обеспечить сохранность дворянских имений и защитить налоговый потенциал крестьянства [2, 19]. В то же время Указ представляет собой инструмент мобилизации молодого дворянства для реализации государственных проектов. Он запрещает делить дворянское имение после смерти отца на всех детей, тем самым, создавая для молодых дворян (за исключением тех, кто получил имение по завещанию) ситуацию поиска возможностей для реализации своих потребностей, что одновременно принесет пользу и государству [28].

Восемнадцатый век – это время создания государственной системы образования в России. Следуя логике мобилизационной молодёжной политики, система государственного образования изначально строилась как механизм быстрого производства необходимых для модернизации государства кадров. Обучения преследовало две задачи: получить в короткие сроки специалистов, способных модернизировать российскую экономику, армию, медицину и т.д., а также сформировать у молодого поколения определенные жизненные установки, базирующиеся на интериоризации смыслов и ценностей модернизации.

Важнейшим событием 18 века явилось создание Московского университета (1755 г.). Несмотря на то, что на момент открытия в нем числилось 100 человек, а 30 лет спустя лишь 82 студента [12], роль его в актуализации молодёжного вопроса очень велика. Открытие Московского университета, а позже и других высших учебных заведений положило начало формированию молодёжи как особой социальной группы.

В рамках первого цикла не удастся полноценно идентифицировать вторую фазу молодёжной политики, что связано с отсутствием в социальной структуре общества молодёжи как особой социальной группы. Третья же наступает в эпоху правления Екатерины II, когда государство «дрейфует» к аттрактору социального контроля, ярким примером проявления этой тенденции является образовательный проект «воспитания новой породы людей» И.И. Бецкого.

Этот проект был первым в истории России авторитарным проектом управляемой социализации молодого поколения. Основная его задача сводилась к «производству» людей, которые смогут «свободно и прилежно заниматься промышленностью, торговлей, ремеслом. Необходимо воспитание новых отцов и матерей, которые детям своим те же прямые и основательные правила в сердце вселить могли, какие получили они сами, а от них передали б своим детям, и так следуя из родов в роды, в будущие века» [4, с. 152]. В основе проекта Бецкого лежала идея «извлечение» ребенка из общества и семьи, воспитание и развитие его до 21 года в закрытых учреждениях, «без права вернуться к родителям до того времени, пока в их сердце не будет прочно укорено спасительное добронравие» [4, с. 152]. Таким образом, предполагалось разработать и внедрить систему тотальной управляемой социализации молодого поколения и формирования у него необходимых социальных установок, в соответствии с интересами государства. Несмотря на то, что проект не был реализован в полной мере, многие технологические элементы его были воплощены в практику социального воспитания в СССР.

Второй цикл (1801-1917 гг.). Фаза мобилизации молодого поколения с опорой на межпоколенческие противоречия была реализована Александром I посредством Негласного (Интимного) комитета и затрагивала лишь политическую элиту страны. Используя межпоколенческие противоречия, Александр I провел серию мероприятий, которые способствовали трансформации социально-политической жизни России.

Короткая фаза мобилизации части политической элиты, состоящей из представителей молодого поколения, способствовала развитию самосознания молодёжи и росту ее самоорганизации. Представляется возможным выделить два направления молодёжной самоорганизации: политическое, ориентированное на трансформацию или консервацию социально-политических отношений, и общественное, генетически связанное с процессами формирования гражданского общества в России.

Наряду с политической активностью молодёжи, в рамках исследуемого этапа происходит общественная самоорганизация молодёжи, основным содержанием которой является решение социальных проблем молодого поколения. Наибольший интерес представляют студенческие организации, решающие социальные проблемы учащихся, созданные по типу землячеств. Основная их задача сводилась к оказанию поддержки землякам и созданию условий для «выживания и обретения своего места в чуждой для провинциалов среде больших городов» [27, с. 118]. Деятельность по созданию землячеств приобрела всепоглощающий характер, в результате чего землячестская сеть охватила всю высшую школу страны. Отметим, что возможно именно сеть землячестских организаций стала механизмом снижения радикальной активности

студенчества после революции 1905 года, на что указывают ряд исследователей студенческого движения [9].

Процесс самоорганизации молодёжи, рост студенческого общественного и политического движения создавал перед российским государством вызовы, требующие разработки новых форм и методов работы с молодым поколением. Политическая элита того времени не приняла эти вызовы, скатываясь в своей деятельности к аттрактору социального контроля, создавая и развивая социальные механизмы снижения активности молодёжи. Молодёжь становится объектом внимания со стороны государства как группа, представляющая наибольшую опасность для политического режима, о чем свидетельствуют отчеты III Отделения, представляемые царю [21]. В целом государственная политика в отношении молодого поколения носила характер военно-полицейских методов, что не могло не вызвать ответной реакции со стороны молодёжи, которая еще более усиливалась ввиду скрытой или явной поддержки со стороны российского общества.

Важнейшим социальным процессом в 19 – нач. 20 вв. стало формирование русской общественности. Общественность – это особое состояние части общества, базирующееся на чувстве общественного долга и гражданского духа, которое ставит практическую и целенаправленную работу на благо всего общества превыше достижения личных целей [6]. Феномен «общественности» позволяет углубить понимание общественной молодёжной политики [10]. Думается, что ее возникновение возможно только при условии появления в обществе особой социальной группы высокообразованных и социально-активных пассионариев, в основе деятельности которых, лежит идея реформирования социально-политической системы. К середине XIX века в России сформировалась такая группа, основу которой составляли социально-активное дворянство, духовенство, верхи торгово-промышленного класса [15, с. 210-211].

К концу XIX века в России сформировался механизм общественной молодёжной политики, которая была ориентирована на решение наиболее важных проблем молодого поколения. Система общественной молодёжной политики вступала в идеологические противоречия с государственной молодёжной политикой, что негативно влияло на процесс социализации молодёжи и воспроизводство социальной и политической структуры российского государства.

Третий цикл (1917-1953 гг.). Приход к власти большевиков ознаменовал начало нового этапа в развитии государственной молодёжной политики. Молодёжь стала рассматриваться как основной ресурс новой политической системы. Активное подключение молодого поколения к «делам революции», разрушение социокультурной преемственности между «миром старым» (миром отцов) и «миром новым» (миром молодёжи) стали важнейшими вехами новой

молодёжной политики. Реализация социального проекта большевиков базировалась на резком межпоколенческом разрыве и использовании физического и духовного потенциала молодёжи. Именно это обстоятельство поставило задачу создания эффективной системы управления социализацией молодого поколения. Технологически ее решение виделось в создании массовой молодёжной коммунистической организации, действующей самостоятельно, но «духовно связанной с партией (большевиков, авт.)» [22, с. 46], которая появилась 29 октября 1918 года и получила название – Российский коммунистический союз молодёжи (РКСМ впоследствии ВЛКСМ).

Реальное доверие новой власти к молодому поколению привело к росту нового и усилению дореволюционного молодёжного движения. Это выразилось в существовании широкого спектра самых разнообразных общественно-политических молодёжных объединений. В 1917-1925 году в России действовало более 35 молодёжных союзов, в том числе 12 социал-демократических, 14 народнических, 3 анархистских, 6 около-кадетских, 20 националистических [14].

К середине 20-х годов XX века демократические процессы в советском государстве начинают сворачиваться, что приводит к формированию системы общественно-партийно-государственной молодёжной политики, которая без организационных изменений просуществовала до конца 80-х годов. В основе нее лежала «модель инкубатора», в котором происходило навязывание ребенку, подростку, молодому человеку определенных диспозиций и форм социальных практик. Эта модель реализовывалась через функционирование трех организационных структур: детской организации (октябрята), подростковой организации (пионерия) и молодёжной (комсомол). Преемственность целей и технологий социального воспитания позволяли государству практически полностью регламентировать процесс социализации молодого поколения. К концу 20-х годов XX века пирамида детско-молодёжной организованности все более стала превращаться в систему социального контроля и механизм использования физического потенциала молодости в целях модернизации государства.

Начиная с 1928 года, советское государство полностью сворачивает демократические элементы в деятельности комсомола, ориентируя его на ускоренную мобилизацию молодёжи и включение ее в модернизационные процессы. Этот этап включает в себя три модернизационных проекта, основную роль в которых сыграла молодёжь (индустриализация, коллективизация, восстановление хозяйства в послевоенные годы). Политика государства в отношении молодого поколения все более превращается в политику социального контроля, ориентированную на формирование особого типа огосударственной личности, основной смысл существования которого сводится к выполнению функций, определяемых государством. Особую роль

в этом механизме играют пионерская и комсомольская организации, трансформирующиеся из системы политического представительства интересов подростков и молодёжи в дешёвый (или бесплатный) экономический и политический ресурс. Отношение государства к молодёжи наглядно иллюстрирует одно из высказываний Сталина, который говорил, что рационализация потребует «некоторых временных жертв со стороны ... молодёжи. Мы не должны останавливаться перед некоторыми незначительными жертвами в интересах рабочего класса в целом» [18, с. 103-104].

К концу 30-х годов в СССР сформировался особый механизм молодёжной политики. Локальности, через которые проходили жизненные траектории молодого человека, полностью контролировались сначала пионерской, затем комсомольской и, наконец, партийной организацией. В жизни молодого человека практически не существовало приватного пространства, вся его жизнедеятельность протекала на «сцене» школы, комсомольского мероприятия и т.д. Ситуация тотального контроля за жизнедеятельностью молодого человека позволяла государству привлекать молодёжь к государственным проектам через комсомольскую организацию путем простой разрядки. Так, например, Пленум ЦК КПСС 2 марта 1954 года отправил на освоение новых земель 100 тысяч молодых людей [18, с. 172], чуть позже в обращении к комсомольской организации партия просит «выделить из своей среды... 400-500 тысяч юношей и девушек для сооружения... новых заводов, гидроэлектростанций...» [18, с. 179].

Четвертый цикл (1953-1985 гг.). Очередная попытка политической модернизации страны привела к росту молодёжного самосознания и попытке демократизации жизнедеятельности молодого поколения. Некоторая либерализация государственного строя привела к изменениям, как в комсомольской организации, так и в среде самой молодёжи. Важнейшим элементом жизнедеятельности общества стал рост молодёжной самоорганизации. Она выражалась в создании разнообразных объединений, творческих групп, дискуссионных клубов, в рамках которых происходило обсуждение социально-политических проблем. Так, например, Министерство просвещения РСФСР в своей информации в ЦК КПСС приводит следующие примеры молодёжной самоорганизации: создание всякого рода инициативных групп, не находящихся под контролем партийных организаций; размещение студентами Ленинградского института им. А.И. Герцена стенной газеты, где была помещена статья с критикой социалистического реализма; в ряде институтов (Московский, Ленинградский, Удмуртский, Владимирский) были попытки организации дискуссий по книге Дудинцева «Не хлебом единым»; в Ленинградском институте группа студентов в обход руководства факультета и партийных организаций вывесила объявление о дискуссии по вопросу о свободном посещении лекций; в ряде учебных

заведений студенты пытались создавать комитеты по защите интересов студенчества перед администрацией и кафедрами; в Московском государственном педагогическом университете им. Ленина студенты разослали по другим институтам объявление о дискуссии о выставке картин Пикассо [11, с. 11].

Рост молодёжной самоорганизации потребовал от государства принятия системы мер по возвращению молодого поколения в русло управляемой социализации через повышение общественной роли комсомола. Особое место в этом процессе занимала деятельность по привлечению молодого поколения в процесс разработки и принятия общественно-политических решений. В частности, государство стало вводить молодёжь в систему государственной власти, как на общегосударственном, так и на местном уровне. Так, количество молодых депутатов (до 30 лет) в Верховном Совете СССР выросло с 85 человек (6,4% от общего числа депутатов) в 1950 году, до 317 человек (21,1%) в 1979 году [7], количество молодых людей в местных Советах к 1980 году достигло 757720 человек (33,3% от общего числа депутатов) [23, с. 16]. Начиная с 1968 года в Верховном Совете СССР, республиканских, краевых, региональных и местных советах начали создаваться постоянные комиссии по делам молодёжи, на которые возлагалась подготовка и экспертиза проектов законов и других предложений по вопросам воспитания, образования, профессионального обучения, труда, быта, отдыха и охраны здоровья молодёжи [25, с. 28].

К концу 70-х годов, в период так называемого «застоя» в развитии советского государства, произошла окончательная трансформация комсомольской организации и вместе с ней всей системы советской молодёжной политики. Деятельность комсомольской организации становилась все более рутинной, воспроизводящей из года в год ставшие традиционными мероприятия, акции, собрания и съезды. Бюрократизация привела к духовному разрыву организации с широкими массами молодёжи, которая уже в 70-е годы начала уходить из созданных для нее локальностей. Уход этот носил символический характер и выражался в создании новых молодежных субкультур, которые постепенно аккумулировали практически все свободное время молодого поколения. Некоторые из этих субкультур, такие как стиляги, битники, рокеры подвергались гонениям и преследованию со стороны государства и комсомольской организации, другие, например, поклонники авторской (бардовской) песни воспринимались как более лояльные группы. Развитие молодёжной самоорганизации и нежелание государства перестроить систему молодёжной политики в сторону мягкого управления функционированием молодежных субкультур – привели к тому, что государственная система управляемой социализации перестала быть функциональной и эффективной, непреднамеренным последствием

ее функционирования стал резкий отказ молодых поколений от идеологических императивов социализма и активное участие в разрушении СССР. В завершении рассмотрения четвертого цикла российской молодежной политики, представляется важным указать на появление в рамках рассматриваемого этапа особого социокультурного феномена, получившего название коммунарства. Коммунарство возникло как движение педагогов, комсомольцев, которое пыталось транслировать «истинные» коммунистические цели [24]. В контексте данной статьи представляет интерес то, что в рамках этого движения сложилась целостная модель социального воспитания молодежи, базирующаяся на ценностях сотрудничества и сотворчества всех участников сообщества. Система предполагала реальное включение молодого поколения (на самых разных уровнях) в разработку и управление собственной жизнедеятельностью через механизм коллективно-творческого дела. Особый интерес представляет понятие «ситуация – образец», в основе которого лежит идея создания особого рода локальностей, в которых всеми возможными средствами происходит транслирование молодежи новых ценностей и смыслов, конгруэнтных философии коммунаров. Предполагалось, что интериоризировав эти ценности в рамках локальности, молодой человек, вернувшись в собственную повседневность, будет транслировать их в своем окружении. Думается, что данная технология не потеряла своего потенциала и сегодня.

Пятый цикл (с 1985 года). Начало новейшей молодежной политике в нашей стране было положено очередной модернизацией социально-политической системы государства, получившей название «перестройка». Как не раз случалось в российской истории, элита, стремясь к преобразованию политической системы, опирается на молодое поколение, активно используя в своих интересах межпоколенческое напряжение. Молодёжь рекрутируется в государственно-партийную систему на самых разных уровнях, начинается трансформация общественно-политического дискурса в отношении молодого поколения, которое рассматривается как ресурс интенсификации всех сфер общественной жизни. Важнейшим процессом данного этапа является разрушение монополии комсомола на управление социализацией молодого поколения и возникновение огромного количества разнообразных молодежных общественных объединений, маркированных наукой и общественностью того времени как «неформалы» [8], [13], [16], [17] и др.

Распад СССР привел к формированию собственно российской государственной молодежной политики. Первоначально государство всячески стремилось (по крайней мере, на уровне дискурсивного сознания) способствовать развитию молодежной самоорганизации и выстроить систему эффективного партнерства с молодежными общественными объединениями.

Государственная молодёжная политика в период с начала до конца 90-х годов «дрейфовала» к аттрактору «социального партнерства», в основе которого лежала идея активного развития собственно молодёжной инициативы. Основным содержанием указанного периода явилось формирование и структурирование системы органов, учреждений, служб по работе с молодёжью, а также разработка и реализация основных программных и технологических оснований, на которых по сей день строится молодёжная политика. Первое десятилетие новейшей российской молодёжной политики, несмотря на демократический дискурс в отношении молодого поколения, тем не менее, не стало временем изменения основных деструктивных паттернов во взаимоотношениях государства и молодёжи. В процессе институционализации российской государственной молодёжной политики в основу ее функционирования было заложено несколько деструктивных паттернов, сохраняющихся по сей день.

Во-первых, функциональная неопределенность государственной системы молодёжной политики. Неопределенность предмета молодёжной политики проявилась в постоянной смене статуса органов по делам молодёжи в РФ. Так в частности, начиная с 1992 года по 2000 год статус федерального молодёжного органа (от самостоятельного министерства до департамента в другом министерстве) менялся 6 раз [26]. Подобная динамика не могла не влиять на качество разработки и реализации государственной молодёжной политики в РФ. Важно и то, что неопределенность статуса молодёжной политики усиливалась отсутствием серьезных, адекватных историческим реалиям России федеральных нормативно-правовых актов.

Во-вторых, ресурсная необеспеченность мероприятий в области молодёжной политики. Это проявилось в расхождении декларируемых государством мероприятий в области работы с молодёжью и реальными затратами на решение молодежных проблем. В этом отношении представляет интерес динамика планируемых и реальных затрат государства на реализацию федеральной программы «Молодёжь России». Так, в частности, недофинансирование федеральной программы «Молодёжь России» на 1994-1996 гг., составила 35% от предусмотренных бюджетных ассигнований и 85% от расчетной потребности [3, с. 7]. Важно и то, что российская модель государственной молодёжной политики, в отличие от советской, создала предпосылки для дифференциации количества и качества социальных услуг для молодёжи в зависимости от социально-экономического положения региона, в котором реализуется работа с молодёжью. Все нормативно-правовые акты, регламентирующие реализацию государственной молодёжной политики, перекладывают основное бремя по финансовому обеспечению работы с молодёжью на региональные органы власти, что в условиях, например, дотационных регионов резко снижает ее качество. Достаточно, сказать, что в рамках федеральной программы

«Молодёжь России: 1994-1996 гг». доля регионального финансирования определялась суммой 667 млрд. рублей, в то время как реально было выделено 215 млрд. рублей [3, с. 12].

В-третьих, исключение из поля государственной поддержки неформальных молодежных объединений. Закон СССР «Об общих началах государственной молодёжной политики в СССР» не запрещал активное включение в процессы социального управления молодежных объединений, не имеющих статуса юридического лица. В процессе институционализации российской молодёжной политики, эта норма была утрачена, более того механизм партнерского участия молодежных объединений в реализации молодёжной политики становился все более бюрократизированным. Представляет интерес трансформация нормативного дискурса в отношении молодежных общественных объединений. Так, в Постановлении Верховного Совета РФ «Об основных направлениях государственной молодёжной политики» от 1993 года отсутствует четкое разделение молодежных объединений на зарегистрированные и незарегистрированные, при этом на государственную поддержку могли претендовать и те, и другие. Кроме этого, в Постановлении формулируется принцип приоритета молодежных объединений при финансировании программ в области государственной молодёжной политики. Таким образом, молодёжные объединения рассматриваются как важнейший субъект молодёжной политики. Позднее в ФЗ №98-ФЗ от 28 июня 1995 года «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» молодёжные объединения рассматриваются уже не как основной актор молодёжной политики, а лишь как возможный участник ее реализации. Кроме этого, на государственную поддержку могут рассчитывать лишь зарегистрированные объединения, имеющие определенную численность и входящие в реестр молодежных и детских общественных объединений. Тем самым государство заложило основы для появления квази-общественных молодежных объединений, создаваемых взрослыми (педагогами, социальными и молодежными работниками) как один из механизмов аккумулирования бюджетных средств. В то же время, собственно молодёжная самоорганизация была либо полностью исключена из сферы интересов государства, либо оказалась на его периферии.

В России сформировалась в каком-то смысле уникальная ситуация в сфере работы с молодёжью. Сложилась целостная государственная система работы с молодым поколением, органы по делам молодёжи были созданы во всех регионах страны. Начиная с 1992 года, в стране росло количество молодежных служб, организаций, проектов, направленных на решение молодежных проблем, молодежных общественных объединений, участвующих в конкурсах, организуемых органами по делам молодёжи. При этом, основная часть молодёжи РФ оказалась не включенной в сферу влияния государственных органов по делам молодёжи.

В этой ситуации, государством был разработан и реализован новый механизм работы с молодёжью. Идеологически и технологически он базировался на методах, используемых в практике комсомольской работы. Речь идет о создании управляемого и лояльного идеям политической элиты общероссийского молодёжного движения, получившего название «Наши». При создании движения использовались инструменты мобилизационной молодёжной политики, в частности, в качестве дискурсивных клише активно эксплуатировались категории, направленные на развитие межпоколенческого конфликта. Так, одной из важнейших целей движения провозглашалась смена старой элиты – элиты «пораженцев» и замена ее новой [Россия...2005]. В действительности же основная задача движения сводилась к созданию механизма управления и мобилизации молодого поколения в ситуации социально-политической нестабильности. Опасаясь «оранжевых» революций на территории РФ, администрация Президента создала систему управляемой мобилизации молодёжи, вовлекая ее в разнообразные виртуальные акции. В рамках такого вовлечения была отработана своеобразная технология создания «молодёжного фронта», когда за сутки в столице можно собрать многомиллионную армию молодёжи со всех регионов страны. Политическая стабильность в стране и на постсоветском пространстве привели к снижению активности движения и распаду его на отдельные локальные проекты, практически не связанные друг с другом.

Сегодня все очевиднее становится, что российское государство в своем отношении к молодому поколению постепенно окончательно «притягивается» к аттрактору социального контроля. Технологически это реализуется через попытки осуществить жесткий контроль над процессом молодёжной самоорганизации и создать единую массовую молодёжную организацию. В отличие от эпохи комсомола, современная действительность характеризуется широким спектром молодежных объединений. При этом государственная политика ориентирована на их унификацию. Таким образом, за «ширмой» широты и «пестроты» молодёжного движения происходит активная трансформация молодёжной самоорганизации.

В завершение укажем, что в процессе институционализации государственной молодёжной политики в современной России, происходит воспроизводство и закрепление деструктивных практик, типичных для разных этапов взаимодействия государства и молодого поколения.

Опыт общественной инициативы 19 века демонстрирует тот факт, что развитие общественных институтов может стать эффективным инструментом решения многих социальных проблем молодого поколения. Давление государства, попытки осуществить постоянный, жесткий социальный контроль за деятельностью общественных объединений ведут к снижению качества и эффективности общественной молодёжной политики. В современной российской дей-

ствительности можно увидеть воспроизводство этой деструктивной практики жесткого контроля или, зачастую, даже подавления конструктивной инициативы институтов гражданского общества в отношении молодого поколения.

Система государственной работы с молодёжной самоорганизацией XIX века практически полностью копируется современным российским государством. Самоорганизация российской молодёжи реализуется сегодня в форме разнообразных молодёжных субкультур, представляющих собой «размытые», с точки зрения организационной структуры, образования. Это скорее социальные поля, нежели организации. Работа с такими структурами требует выработки специализированных технологий. Российское государство в реализации молодёжной политики все чаще отказывается от работы с молодёжными субкультурами, пытаясь взамен создать управляемые молодёжные образования, которые в действительности так же далеки от процесса молодёжной самоорганизации, как и молодёжные структуры российских политических партий. Общественные объединения, созданные органами по делам молодёжи, не только не реализуют социальной деятельности, но и всячески стимулируют воспроизводство деструктивных гражданских практик в среде российской молодёжи. Неготовность к долговременной, зачастую трудной работе с реальными процессами молодёжной самоорганизации в XIX-XX веках привела к радикализации российской молодёжи, такой же процесс можно наблюдать и в современных условиях. Все вышеуказанное требует переосмысления методологических, аксиологических, технологических оснований современной молодёжной политики российского государства и общества.

Список литературы

1. Lindenmyer A. Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity. – Pittsburgh, 1990.
2. Peter the Great Transforms Russia / Ed. by J. Cracraft. – Lexington, Mass., 1991.
3. Аналитический вестник №31 (251) «Федеральная целевая программа «Молодёжь России (2001-2005): эффективность и перспективы». – М., 2005. 75 с.
4. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV-XVII вв. / Сост. С.Д. Бабишина, Б.Н. Митюрков. – М.: Педагогика, 1985. 363 с.
5. Брэдли Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // *Общественные науки и современность*. 1994. №5. С. 77-89.
6. Гросул В.Я. Русское общество XVIII-XIX веков: традиции и новации. – М., 2003. 503 с.

7. Дзиндра Л.Ф. Активность молодёжи в управлении государством в развитом социалистическом обществе. Диссертация канд. философ. наук. – М., ВКШ при ЦК ВЛКСМ, 1979. 210 с.
8. Запесоцкий А.С., Файн А.П. Эта непонятная молодёжь...: проблемы неформал. молодеж. объединений. – М.: Профиздат, 1990. 191 с.
9. Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. – М., 2004. 198 с.
10. Ильинский И.М. Молодёжь и молодежная политика. Философия. История. Теория. – М.: Голос, 2001. 584 с.
11. Информация министерства просвещения РСФСР в ЦК КПСС о состоянии идейно-воспитательной работы в ВУЗах // *Вопросы истории*. 1987, №1. С. 11-13.
12. Латышина Д.И. История педагогики. Воспитание и образование в России (X – начало XX века): Учебное пособие. – М.: Издательский дом «ФОРУМ», 1998. 512 с.
13. Левичева В.Ф. Молодёжный Вавилон. – М.: Молодая гвардия, 1989. 327 с.
14. Лейкин А.Я. Против ложных друзей молодёжи. – М., 1980. 223 с.
15. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). – СПб., 2000. Т. 2. 548 с.
16. Ненашев С.В., Пилатов С.Г. Дети андеграунда: приглашение к разговору: [О современных молодеж. неформал. движениях]. – Л.: Лениздат, 1990. 111 с.
17. Неформалы: социальные инициативы [Сборник / Сост. С.Н. Юшенков]. – М.: Моск. рабочий, 1990. 238 с.
18. Очерки истории ВЛКСМ. – М., 1986. 205 с.
19. Петр Великий / Сост. и ред. Е.В. Анисимов. – М.: ОГИ, 2007. 334 с.,
20. Россия – мегапроект нашего поколения. Манифест молодёжного демократического антифашистского движения «Наши». – М., 2005.
21. Россия под надзором: отчеты III отделения 1827-1869: [сб. док.]. Сборник документов / Сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. – М.: «Рос. фонд культуры»: «Российский Архив». 2006. 706 с.
22. Русское и советское молодежное движение в документах 1905-1937 гг. – М.: ОМП-Пресс, 2002. 288 с.
23. Совместная деятельность ВЛКСМ с государственными и общественными организациями по коммунистическому воспитанию молодёжи. – М., 1978. 210 с.
24. Соловейчик С. Воспитание по Иванову. – М.: «Педагогика», 1989.

25. Сулейманов В.А. Ленинский комсомол – надежный помощник и боевой резерв КПСС. – М., 1977. 198 с.
26. ТатаринOV О.В., Куприянова Г.В., Нехаева Т.Г. Правовой статус и деятельность органов по делам молодёжи Российской Федерации. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2002. 107 с.
27. Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. – М.: «Новый хронограф», 2008. 320 с.
28. Хрестоматия по истории России. – М.: ТК Велби, изд-во Проспект. 2008. С. 166.

References

1. Lindenmyer A. Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity. – Pittsburgh, 1990.
2. Peter the Great Transforms Russia / Ed. by J. Cracraft. – Lexington, Mass., 1991.
3. Analiticheskij vestnik №31 (251) «Federal'naja celevaja programma «Molodjzh' Rossii (2001-2005): jeffektivnost' i perspektivy»». – М., 2005. 75 p.
4. Antologija pedagogicheskoj mysli Drevnej Rusi i Russkogo gosudarstva XIV-XVII vv. / Sost. S.D. Babishina, B.N. Mitjurov. – М.: Pedagogika, 1985. 363 p.
5. Brjedli Dzh. Obshhestvennye organizacii i razvitie grazhdanskogo obshhestva v dorevoljucionnoj Rossii // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1994. №5. Pp. 77-89.
6. Grosul V.Ja. Russkoe obshhestvo XVIII-XIX vekov: tradicii i novacii. – М., 2003. 503 p.
7. Dzindra L.F. Aktivnost' molodjzhi v upravlenii gosudarstvom v razvitom socialisticheskom obshhestve. Dissertacija kand.filosof.nauk. – М., VKSh pri CK VLKSM, 1979. 210 p.
8. Zapesockij A.S., Fajn A.P. Jeta neponjatnaja molodjzh' ...: problemy neformal. molodezh. ob#-edinenij. – М.: Profizdat, 1990. 191 p.
9. Ivanov A.E. Studencheskaja korporacija Rossii konca XIX – nachala XX veka: opyt kul'turnoj i politicheskoj samoorganizacii. – М., 2004. 198 p.
10. Il'inskij I.M. Molodezh' i molodezhnaja politika. Filosofija. Istorija. Teorija. – М.: Golos, 2001. 584 p.
11. Informacija ministerstva prosveshhenija RSFSR v CK KPSS o sostojanii idejno-vospitatel'noj raboty v VUZah // Voprosy istorii. 1987, №1. Pp. 11-13.
12. Latyshina D.I. Istorija pedagogiki. Vospitanie i obrazovanie v Rossii (X – nachalo XX veka): Uchebnoe posobie. – М.: Izdatel'skij dom «FORUM», 1998. 512 p.

13. Levicheva V.F. Molodjozhnyj Vavilon. – M.: Molodaja gvardija, 1989. 327 p.
14. Lejkin A.Ja. Protiv lozhnyh družej molodjozhi. – M., 1980. 223 p.
15. Mironov B.N. Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.). – SPb., 2000. Vol. 2. 548 p.
16. Nenashev S.V., Pilatov S.G. Deti andegraunda: priglasenie k razgovoru: [O sovremennyh molodezh. naformal. dvizhenijah]. – L.: Lenizdat, 1990. 111 p.
17. Neformaly: social'nye iniciativy. [Sbornik / Sost. S.N. Jushenkov]. – M.: Mosk. rabochij, 1990. 238 p.
18. Oчерки istorii VLKSM. – M. 1986. 205 p.
19. Petr Velikij / Sost. i red. E.V. Anisimov. – M.: OGI, 2007. 334 p.
20. Rossija – megaproekt nashego pokolenija. Manifest molodjozhnogo demokratičeskogo antifašistskogo dvizhenija «Nashi». – M., 2005.
21. Rossija pod nadzorom: otčety III otdelenija 1827-1869: [sb.dok.]. Sbornik dokumentov / Sost. M. Sidorova i E. Shherbakova. – M.: «Ros. fond kul'tury»: «Rossijskij Arhiv». 2006. 706 p.
22. Russkoe i sovetskoe molodezhnoe dvizhenie v dokumentah 1905-1937 gg. – M.: OMP-Press, 2002. 288 p.
23. Sovmestnaja dejatel'nost' VLKSM s gosudarstvennymi i obshhestvennymi organizacijami po kommunističeskomu vospitaniju molodjozhi. – M., 1978. 210 p.
24. Solovejčik S. Vospitanie po Ivanovu. – Moskva: «Pedagogika», 1989.
25. Sulejmanov V.A. Leninskij komsomol – nadezhnyj pomoshhnik i boevoj rezerv KPSS. – M., 1977. 198 p.
26. Tatarinov O.V., Kuprijanova G.V., Nehaeva T.G. Pravovoj status i dejatel'nost' organov po delam molodjozhi Rossijskoj Federacii. – Tula: Izd-vo Tul. gos. ped. un-ta im. L.N. Tolstogo, 2002. 107 p.
27. Tumanova A.S. Obshhestvennye organizacii i russkaja publika v nachale XX veka. – M.: «Novyj hronograf», 2008. 320 p.
28. Hrestomatija po istorii Rossii. – M.: TK Velbi, izd-vo Prospekt. 2008. P. 166.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Смирнов Владимир Алексеевич, проректор по воспитательной и социальной работе, доктор социологических наук, доцент

Костромская государственная сельскохозяйственная академия

*д. 34, Караваяевская с\а, п. Караваяево, Костромской р-н, Костромская область, 156530,
Россия*

Иванова Александра Федоровна, аспирант кафедры философии, истории и социально-гуманитарных дисциплин

Костромская государственная сельскохозяйственная академия

*д. 34, Караваяевская с\а, п. Караваяево, Костромской р-н, Костромская область, 156530,
Россия*

e-mail: kano_igt@mail.ru

SPIN-код: 9464-8949

DATA ABOUT THE AUTHORS

Smirnov Vladimir Alekseevich, doctor of sociological sciences, senior lecturer, Vice-rector for education and social activity

Kostroma State Agricultural Academy

34, Karavaevskaya s\а, Karavaevo, Kostroma region, 156530, Russia

Ivanova Aleksandra Fedorovna, post-graduate student

Kostroma State Agricultural Academy

34, Karavaevskaya s\а, Karavaevo, Kostroma region, 156530, Russia

e-mail: kano_igt@mail.ru